

Жванецкий для медленного чтения

Четыре тома живого классика

Вслед за магнитофонными записями, пластинками и компакт-дисками Жванецкий дождался наконец и литературной ипостаси своих неустанных трудов, а его верные слушатели получили шанс стать и читателями. 5 марта издательский дом «Время» представил публике собрание сочинений Михаила Жванецкого в четырех томах (по тому на десятилетие, начиная с 60-х). Для начала его выпустили 10-тысячным тиражом.

Известия. — 2001. — 6 марта. — с. 2

Матвей ГЛЕБОВ

От Резо Габриадзе, бисером рассыпавшего по четырехтомнику свои изысканные рисунки, ждали истинно грузинского тоста. «У него пьянящее слово: состоялось самое трудное — состоялась литература», — сказал Габриадзе о Жванецком, оговорив,

правда, что это не тост. Автор же выглядел счастливым донельзя.

— Вы не представляете, я так редко вижу свои буквы напечатанными, да еще на хорошей бумаге. Так приятно перелистывать... Были предложения и совершенно безумных тиражей, но мне показали изданные «Временем» поэтические сборники Давида Самойлова и Юрия Леви-

танского, я влюбился во внешний вид этих книжек и понял, что хочу увидеть такой же и свою. Нет, запоем ее читать нельзя. Это как стихи: прочел несколько — поставил на полку, спустя какое-то время снова взял в руки.

— Часто можно услышать, что сатирику труднее работать без цензуры, когда все разрешено...

— Я бы сказал, сейчас стало интереснее: все препятствия внутри тебя — зависит от мастера, сумеешь ли привлечь внимание. Однако положение сатирика у нас сегодня довольно странное. Можно безнаказанно расчихвостить президента, но, если заденешь СМИ, тут же по-

лучишь по голове и поймешь, где власть. Да и не хочу я быть сатириком на фоне бесконечной крови — здесь взорвалась квартира, там патрульный догнал караульного. Возникает образ жизни, в которой нет и не может быть ничего хорошего, и человеку хочется туда, где было спокойно, — так нас волокут обратно в СССР. Население же вообще толком ничего не знает, только тихо мучается. Я вовсе не хочу присоединиться к этому хору.

— После собрания сочинений остаются, наверное, лишь мемуары?

— По-моему, если напишешь мемуары, уже стыдно жить дальше. А мне хотелось бы.